

Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть III. Древний Рим

Михаил Юрьевич Веденёв¹✉, Николай Леонидович Павлов²

^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

¹m.vedenev@markhi.ru ²pavlovnl@mail.ru

Аннотация. В статье представлены основные аспекты содержания профессиональной деятельности архитектора в Древнем Риме. Отмечено, что архитектурная деятельность и строительные технологии Рима базировались, в основном, на наследии этрусков и античных греков. В своем большинстве архитекторы Древнего Рима были, чаще всего, греческого происхождения и, как представители покоренного народа, имели соответствующий низкий социальный статус – вплоть до рабского. В римских текстах, за редким исключением, упоминались имена только заказчиков строительства. Сакральный статус архитектуры в одном из наиболее значимых проявлений – в придании божествам статуса зодчих-демиургов – отрицался римлянами полностью. Проанализировано лингвистическое происхождение ряда латинских терминов, относящихся к предмету архитектурной деятельности. Рассмотрены административные основы производства строительных работ. Приведен пример составления юридически значимого документа, содержащего задание на производство строительных работ.

Ключевые слова: очаг, стены, двери, дом, дорога, мост; деревянный каркас, камень, бетон, плотник; статус архитектора

Для цитирования: Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть III. Древний Рим / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №4(73). С. 28-46. URL: https://markhi.ru/AMIT/2025/4kvert25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-4-28-46 EDN: ZYHYUK

THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE

Original article

Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part III: Ancient Rome

Mikhail Yu. Vedenev¹✉, Nikolay L. Pavlov²

^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

¹m.vedenev@markhi.ru ²pavlovnl@mail.ru

Abstract. This article shows the main aspects of the architect's professional practice in Ancient Rome. It is noted that Roman architectural practice and construction technologies were based primarily on the legacy of the Etruscans and the ancient Greeks. The majority of architects in Ancient Rome were of Greek origin and, as a conquered people, were characterized by low social status, sometimes even slavery. With rare exceptions, Roman texts kept only the names of those who commissioned construction projects, not the architects. The Romans completely denied the sacred status of architecture in one of its most significant manifestations – the attribution of deities

as architect-demiurges. The article also analyzes the linguistic origins of several Latin terms related to architectural practice, examines the administrative principles of construction work, and provides an example of a legally binding document containing a construction assignment.

Keywords: fireplace, wall, doors, dwelling, path, bridge; timber framework, stone, concrete, carpenter; architect's status

For citation: Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part III: Ancient Rome. Architecture and Modern Information

Technologies, 2025, no. 4(73), pp. 28-46. Available at:

https://marhi.ru/AMIT/2025/4kvert25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-4-28-46 EDN: ZYHYUK

Введение

В культуре каждой цивилизации есть ключевые понятия-маркеры, которые позволяют ее обособить, идентифицировать на общем фоне исторического процесса. В Древнем Египте это (m³.t – маат, упорядоченность мира на уровне отдельно взятого человека и одновременно – всего космоса)³, в Древней Индии – *уаја* (яджна, т.е. жертвоприношение, в контексте формулы «поистине, человек – это жертвоприношение» [1, с.109]), в Древней Греции – *πόλις* (формула Аристотеля: человек – существо полисное [1, с.108]). Применительно к Древнему Риму таким понятием может служить *populus* (народ), образованное от праиталийского корня **poplo*-, что означает «армия» [2, с.480]. От слова *populus* происходит слово *publicum* [2, с.495], отсюда – *res publica* (общее дело). По преданию, записанному Титом Ливием, воин Марк Курций перед тем, как обречь себя в жертву подземным богам, бросившись в провал и спасти тем самым ценой своей жизни город, сказал, что главная сила Рима – это оружие и доблесть⁴. Для построения великого государства, помимо военных талантов, требовались еще и административные способности, необходимые как для командования войском, так и для руководства покоренными землями, их обустройства и эксплуатации. Римляне были выдающейся цивилизацией великих воинов и администраторов.

Расцвет Рима начался после победы над Карфагеном во Второй Пунической войне (202 г. до н.э.). В это же время в Китае зародилась империя Хань, просуществовавшая до III века н.э. Обе империи были похожи друг на друга: в крайней формалистичности религии, утверждавшей самоценность обряда и практику гаданий, и в признании государства высшей ценностью человеческой жизни. Служение богам сводилось, в конечном счете, к служению государству, отсюда было неизбежным появление грандиозных сооружений, свидетельствующих о могуществе великой империи. Поскольку империя – это всегда объединение многих народов, имперская культура строилась на основе принципа компромисса и неизбежно вытекающего из него синтеза, что само по себе совсем не способствовало творческой индивидуальности и формированию собственных, ярких стилей. Личность автора на этом фоне еще больше отдалась на задний план. Если в Античной Греции архитектор – это гражданин полиса, то в Древнем Риме архитектор, как это случалось и с представителями других творческих профессий, мог находиться даже на низшей ступени социальной иерархии – в рабстве. Завоеванная римлянами Античная Греция дала империи архитекторов, художников, инженеров. Римляне по-своему перенимали ее культуру, восхищались ею, элита говорила по-гречески, но самих греков-современников они презирали как варваров.

³ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/66620> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Ливий Тит. История Рима от основания города. Том 1. Москва: «Наука», 1989. С. 327 (перевод Н.В. Брагинской).

1. Сакральный аспект архитектурной деятельности в Древнем Риме

Римская культура содержала в своей основе три основных компонента: этрусский, общеиндоевропейский и эллинистический. По выражению Квинта Муция Цицерона, брата знаменитого оратора Марка Туллия, Рим – это государство, образованное от стечения племен⁵. В силу своего географического положения Древний Рим находился на стыке расселения сабинских и латинских племен (индоевропейского происхождения⁶) и этрусков (согласно преобладающей в науке точке зрения, этруски индоевропейцами не были). Таким образом, с самого начала римская культура формировалась по принципу синтеза. Служение государству требовало строгой дисциплины, которая предполагала, в свою очередь, точное следование формальным правилам, вокруг которых строился римский консерватизм по принципу «все это служило величию наших предков, последуем же и мы их примеру».

1.1. Этрусский компонент в римской культуре

Народ этрусков переселился в Италию, предположительно, из Малой Азии. Название самого города Рима имеет этрусское происхождение – предположительно, от родового этрусского имени *Ruma* [3, с.212]. В контексте проводимого нами исследования примечателен описанный Плутархом этрусский ритуал основания Рима – посредством проведения борозды⁷. В том месте, где борозда прерывалась, должны были располагаться ворота, причем, по этрусскому обычаю, в городе должно было быть трое ворот [3, с.182]. Ритуал подчеркивает аграрный характер этрусской культуры, воспринятый римлянами. На этой почве впоследствии появилась целая плеяда *scriptores rei rusticae* – писателей по сельскому хозяйству. Наличие таких авторов – уникальный, специфически римский феномен. Латинское слово *colōnia* (в значении – поселение) также связано с сельским хозяйством – в его основе лежит праиндоевропейский корень **k^welh₁*-е/о-, означавший «ходить по кругу» [2, с.125]. Однокоренными словами по отношению к *colōnia* являются слова *cultūra* (культивация, забота) и *agricola* (фермер) [2, с.125]. Мотив кругового движения мы встречаем в этимологии слова *columna* (колонна), которое происходит, предположительно, от корня **k^welH*-е/о-, обозначавшего «поворачивать, оборачивать» – в связи с тем, что колонны окружали святилище, как бы оборачивая его собой [2, с.127]. Следы этого исходного смысла прослеживаются и в русском языке. От корня -коло- происходят слова «коколица», «колесо», «коворощение» и т.д.

Отсылка к ритуалу, совершенному Ромулом, содержится в понятии померия (*romērium*) – полосе земли вдоль городской границы. Слово *romērium* образовано от **post-moirio-* (за стеной) [2, с.396]. Пространство померия считалось священным – в его границах нельзя было появляться с оружием. По этой причине центуриатные комиции (собрания вооруженных граждан, избирающие магистратов) проходили за чертой города Рима – на Марсовом поле. Город был своего рода храмом, что способствовало сакрализации самого понятия «Рим», наполняло его божественным смыслом и величием.

Этруски передали римлянам искусство гарусников – гадания по внутренностям жертвенных животных и, в частности, по печени. Рационализацию обрядов, совершаемых гарусниками, мы находим у Витрувия, когда он объясняет пригодность местности для основания города по внешнему виду печени овцы, свидетельствующему о том, что животное было

⁵ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том 1, годы 68-51. Перевод и комментарии В.О. Горенштейна. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 36.

⁶ Под индоевропейцами в данном случае понимается общепринятое современное представление не о родственной, а о языковой общности, которая во многом определила характер общего культурного наследия.

⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Том I. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 32 (перевод С.П. Маркиша).

здоровым⁸. До нашего времени сохранилась этруссская модель печени, представляющая собой, как можно предположить, руководство по проведению гаданий: каждый сектор печени был связан с тем или иным божеством, и, вероятно, в зависимости от состояния секторов определялось мнение высших сил по интересующим гадателя вопросам (рис. 1).

Рис. 1. Модель гадательной печени из Пьяченцы. II в. до н.э.

Этруссские гадательные практики прочно вошли в культуру Рима. Перед совершением любого важного дела римские магистраты прибегали к ауспициям – гаданиям по полету птиц. Произошедшие бедствия объяснялись пренебрежением к обрядам: либо их игнорированием, либо допущенными при их совершении ошибками. Город (*urbs*) определялся как пространство для совершения ауспиций [2, с.643]. Таким образом, понятие города было в первую очередь религиозным, а не архитектурным или военным. Религиозные обряды, унаследованные от этрусков, имели сельскохозяйственную, а не архитектурную форму выражения. В отличие от Древнего Египта, римляне никогда не воспринимали архитектуру как высшую форму служения божеству. Римский архитектор никогда не имел каких-либо жреческих функций, и уже по одной этой причине его место в системе социальной иерархии Рима, сохранившей в себе элементы этрунского наследия, не могло быть высоким.

1.2. Индоевропейские корни латинской терминологии, определяющей объекты и характер строительной деятельности

Сабины и латины, наряду с этрусками населявшие ближние и отдаленные окрестности будущего Рима, принадлежали, как мы отметили выше, к числу индоевропейских народов. Индоевропейское происхождение имели римские культуры очага, Януса – божества дверей, и ларов – покровителей дорог.

Культ очага мы рассматривали в предыдущей статье, посвященной Древней Греции [5]. Древнегреческой Гестии соответствовала римская Веста [6]. Очаг обозначался словом *aedis*; впоследствии оно стало использоваться в значениях «помещение с очагом» и «небольшой храм из одного помещения», во множественном числе *aedēs* – «дом» [2, с.25], что, вероятно, свидетельствует о том, что в доме было несколько очагов. Слова *aedificāre* (строить) и *aedificātor* (строитель) являются производными по отношению к слову *aedis*, образованному от праиндоевропейского корня **h₂(e)idʰ* (горение). Производным по

⁸ «...наши предки, принося в жертву при постройке городов или военных постов пасшихся в этой местности овец, рассматривали их печень, и если в первый раз она оказывалась синеватой и больной, то приносили в жертву других, для выяснения, страдает ли скот от болезни или от дурного пастбища. И где после повторных наблюдений они удостоверялись, что печень животных здорова и не страдает от воды и пастбища, там они строили укрепления. Если же они находили печень больной, то заключали отсюда, что и для людей будут вредоносны и вода, и пища, происходящие из этой местности, и потому уходили оттуда и переселялись в другие области, ища прежде всего здоровых условий жизни» (Витрувий, Десять книг об архитектуре. Книга первая, глава IV, 9. Источник: [4, с. 26]).

отношению к *aedis* также является употребляемое Витрувием слово *aedificatio* – Ф.А. Петровский переводит его как «зодчество» [4, с.24], однако, на наш взгляд, с учетом приведенной этимологии, более точным переводом для слова *aedificatio* будет «строительство». Должность эдила (*aedilis*) также происходит от слова *aedis*. В компетенцию эдилов входили надзор за строительными работами и городским благоустройством⁹.

Слово *aedēs* с однокоренными словами неоднократно употребляется в знаменитом римском учебнике права – Институциях Гая, при этом слова *architectūra* и *architectus* не используются вовсе [7]. Слово *architectus* единожды встречается в Дигестах Юстиниана, когда речь заходит об иске против архитектора в случае обмана с его стороны при проведении измерений¹⁰. Крайне ограниченное использование слова *architectūra* и его однокоренных слов в юридической лексике служит дополнительным свидетельством того, что по своему существу оно является грецизмом – одним из многочисленных греческих слов, использованных Витрувием в латинизированном варианте (например, греческий ἀρχιτέκτων стал римским *architectus*). Показательно следующее утверждение Витрувия из главы III книги I: “*partes ipsius architecturae sunt tres: aedificatio, gnomonice, machinatio*” [9, с.12] (архитектура состоит из трех частей – строительства, гномоники, механики). Двое из трех разделов архитектуры обозначены грецизмами *gnomonice* (γνώμων) и *machinatio* (μηχανᾶ), и только один – строительство – назван латинским словом *aedificatio*. Помимо упомянутых грецизмов, по тексту трактата Витрувия встречается множество греческих слов в греческом написании – без попыток транскрибирования на латинице.

Письменные источники свидетельствуют нам о том, что понятие строительства в римской культуре имело защитные коннотации. Так, слово *adminiculum* (опора) образовано от праиндоевропейского корня **(H)mi-*ло- и является родственным по отношению к слову *toenēia*, обозначающему защитные стены [2, с.24]. Защитные коннотации также имеет слово *arced* (содержать в себе, ограничивать), этимологически родственное с праиталийским корнем **ark-o-* (тот, кто строит) [2, с.51].

Очаг, окруженный стеной, – модель дома ведических ариев, реконструируемая по ведическим текстам «Ригведы». Стена охраняла очаг от враждебного вторжения извне, делила пространство на «свое» и «чужое». В границах стены размещались как люди, так и их скот. Слово *vestibulum*, от которого произошел термин «вестибюль», было образовано от праиндоевропейского корня **ues-ti-* (кормление) [2, с.671]. Таким образом, исходным значением слова *vestibulum* было «место для кормления животных», которое находилось в границах стен наряду с жилищами людей. Сами жилища были очень скромными – это могли быть шалаши или же кибитки скотоводов-кочевников. Понятие дома было связано в первую очередь не с жилищем как таковым, а с пространством, отгороженным от внешнего, подчас враждебного мира, с помощью стен. Стены охраняли как от посягательств других людей, так и от диких животных.

Мотив закрытого пространства мы видим в самом слове *civis* (гражданин), образованном от корня **kei-uo-*, обозначавшего социальную замкнутость [2, с.116]. Этот же мотив закрытого пространства присутствует в слове *hortus* (сад; в древнелатинском, предположительно, оно также обозначало виллу) [2, с.290]. Этимологически *hortus* происходит от праиндоевропейского корня **gʰ(o)r-to-* (ограда), от которого образованы

⁹ Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Санкт-Петербург: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. С. 22.

¹⁰ «Ульпиан в 24-й книге «Комментариев к эдикту». Против измерителя полей претор предусмотрел иск по факту содеянного. Землемеру не подобает нас обманывать: ведь для нас важно не быть обманутыми, когда мы делаем заявление о размере участка, если, например, ведется спор о границах или же покупатель или продавец пожелает узнать размер продаваемого поля. <...> В равной степени, как пишет Помпоний, этот иск действует и против того, кто не является измерителем, но допустит обман в определении размера. § 3. Следуя этому правилу, надлежит давать этот иск против архитектора, допустившего обман: ведь и божественный Север постановил давать иск против архитектора и подрядчика». Источник: [8, с. 589, 593].

санскритское слово *gr̄há* (дом) и русское «город» [2, с.290]. Этимология слова *urbs* (город) выводится из праиндоевропейского корня **u(o)rbh* -(i-), также обозначающего ограду [2, с.643].

В этих условиях особое значение приобретали двери – средство связи двух миров: внешнего, чужого, и внутреннего – своего, домашнего. Богом дверей был Янус – отсюда его двуликость и почитание в форме арки. Слово *iānus*, помимо одноименного божества, обозначало сводчатый проход, дверной проем. Это слово образовано от праиндоевропейского корня **ieh₂-n-i-* (проход), от которого происходит русское слово «ехать» [2, с.294].

Распахнутые двери в храме Януса означали войну – время, когда приходилось выходить во враждебное пространство внешнего мира и вести борьбу за свой город, свой дом – римскую гражданскую общину. Закрытые двери в храме Януса обозначали наступление мира (рис. 2), что в римской истории было крайне редким явлением. Описание моления священным дверям мы находим в «Энеиде» Вергилия¹¹.

Рис. 2. Сестерций Нерона 54-68 г. н.э. с изображением закрытых дверей храма Януса

Латинское слово *forum* этимологически родственно понятию «двери» (*foris*) (через корни **d̄h̄uor-o-* и **d̄h̄uōr-* соответственно) [2, с. 233, 237]. Для обоих слов однокоренными являются санскритское *dvār* и русское «двор». Как указывает Михил де Ваан, семантическое развитие понятия форума было следующим: 1) пространство у дверей → 2) входная комната, вестибюль → 3) комната для гостей → 4) общественное пространство [2, с.237].

Строительство триумфальных арок, по всей видимости, было связано как с культом Януса, так и со священным характером дорог, над которыми они устанавливались. Царь Сервий Туллий реформировал культ ларов: будучи изначально домашними божествами, теперь они стали покровителями дорог. Особое почитание ларам оказывали плебеи, которые были «людьми дорог» – пришельцами, странниками. Думается, что создание культа покровителей дорог было не в последнюю очередь обусловлено архаичными индоевропейскими представлениями о том, что дорога – это пространство, по которому движутся боги¹². Сакральный характер дорог, их связь с культом предков подтверждается устройством придорожных захоронений, в частности, на Аппиевой дороге. Богиней-покровительницей перекрестков дорог почиталась Тривия – одна из ипостасей греческой

¹¹ «Объятые трепетом, бродят

Матери, жены везде по обширным покоям, и двери

Держат в объятьях они, поцелуями их покрывая» (Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / перевод с латинского С.А. Ошерова под редакцией Ф.А. Петровского. Москва: «Художественная литература», 1979. С. 170).

¹² Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, «*ráth* – это прежде всего тот путь, который ведет к богам и по которому следуют боги – *devayána*- <...> Стали мне видны пути, ведущие к богам, безукоризненные, подготовленные богами – так говорит в гимне Ушас о своем откровении риши». Источник: [11, с.74].

Гекаты [10]. Нельзя не отметить, что именно дороги приобрели в Риме значительное число богов-покровителей, что свидетельствует об их исключительной важности в сознании римлян, стремившихся к присоединению территорий и установлению прочных военно-транспортных связей между ними.

На своем протяжении дороги неминуемо должны были пересекать водные потоки. Поскольку вода также считалась священной, мост (*pōns*) представлял собой своего рода перекресток сакрального – водных и сухопутных путей. Слово *pōns* образовано от праиндоевропейского корня **rōnt-h₁-s-*, обозначавшего дорогу (этимологически родственное слово в санскрите – *páñthā*, обозначающее дорогу, путь, курс) [2, с.479]. От этого же корня образовано слово *pontifex*, обозначавшее члена коллегии римских жрецов. По мнению Варрона, слово *pontifex* происходило от слова *pōns* – мост, а слово «понтифик», соответственно, надо переводить как «строитель моста»¹³. Плутарх находил это объяснение «смехотворным» и указывал, что *pontifex* образовано от слова *potens* – могущественный¹⁴. В настоящее время ученые пришли к согласию, что *pontifex* надо переводить как «строитель моста», но в метафорическом смысле, имея в виду посредника между миром земным и миром небесным [2, с.480]. Согласно Варрону, именно понтифики отвечали за строительство и ремонт свайного моста (*Pons Siblicius*) в Риме и за организацию связанных с этими событиями священномействий [12, с.81].

Впоследствии мост стал восприниматься в качестве символа величия Рима. Цезарь решил построить мост через Рейн (рис. 3), поскольку «переправу на судах он считал не вполне безопасной и не соответствующей его личной чести и достоинству римского народа»¹⁵.

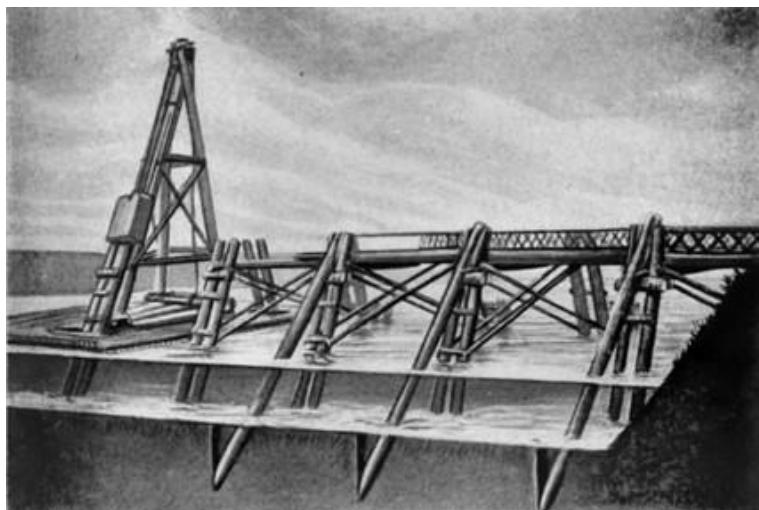

Рис. 3. Мост Цезаря через Рейн. Реконструкция. Макет из Сен-Жерменского музея

Мост через Дунай изображен на колонне Траяна как одно из его масштабных достижений. В надписи, оставленной римлянами вблизи моста, Траян поименован как *Pontif. Maximus* наряду с титулами императора и трибуна¹⁶. Таким образом, престиж титула «строителя моста» был очень высок. Впоследствии, по мере десакрализации этого вида строительной деятельности, титул понтифика превратился в метафору, в качестве которой он и используется по сей день в Римско-католической церкви.

¹³ Smith, William. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. Boston: Little, Brown, and Company, 1859. P. 939-940.

¹⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Том I. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 85 (перевод С.П. Маркиша).

¹⁵ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Перевод и комментарии академика М.М. Покровского. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 77.

¹⁶ Trajan's Tablet on the Danube // The Illustrated Magazine of Art, vol. 1, no. 6, 1853. P. 365.

Сакральные коннотации имеет употребляемое Витрувием слово *decor* [9, с.10], в переводе Ф.А. Петровского – «благообразие» [4, с.22]. Данное слово дословно переводится как «красота, украшение». В основе слова *decor* лежат практапийские корни **dek-no-* (подобающий) и **dek-o/es-* (достоинство) [2, с.164]. Слово *decor* этимологически родственны санскритскому слову *dāś* (поклонение, богослужение) [2, с.164]. Согласно Витрувию, *decor* (благообразие) храмов определяется в особенностях их устройства в зависимости от свойств почитаемого божества:

- 1) храмы Юпитера Громовержца, Неба, Солнца и Луны, поскольку это божества открытого неба, следует делать открытыми сверху (гипетральными);
- 2) храмы Минерве, Марсу и Геркулесу следует делать в дорическом ордере, который символизирует мужество этих божеств;
- 3) храмы Венере, Флоре и Прозерпине – в коринфском ордере, символизирующем нежность;
- 4) храмы Юноне, Диане, Отцу Либеру – в ионическом ордере, занимающем промежуточное положение между мужеством дорического ордера и нежностью коринфского [4, с.22-23].

Названные правила Витрувий характеризует как «благообразие по установлению» [4, с.22]. В этом установлении нельзя не отметить роль архитектурных элементов (в частности, ордера) как средства почитания божества, которое, впрочем, носит довольно формальный характер. Римская официальная религия, архитектурную сторону которой излагает Витрувий, уделяла основное внимание формальной стороне обрядов, усматривая в них средство сохранения наследия предков. Столь же формализованным – до размеров членений (модуль, парта) – выглядит описание ордера и других архитектурных деталей в текстах Витрувия.

В работе Цицерона «О природе богов» приводится вызов, который стоял Квинт Луцилий Бальб бросает понтифику Гаю Аврелию Котте, по должности отстаивающему древнеримские религиозные воззрения: «Я намерен вступить с тобой в спор об алтарях домашних богов, о храмах и святилищах, и о стенах Рима, которые, вы, понтифики, считаете священными и защищаете Рим религией более, чем он защищен этими стенами»¹⁷. Другой участник спора, вставший в конечном итоге на сторону Котты, Гай Веллей, прямо высмеивает концепцию «бога-зодчего» у Платона: «Выслушайте же не пустые, ложные мнения, не о платоновом боже из «Тимея», мастеровом, строителе вселенной <...> Какова была подготовка к этому делу сооружения вселенной? Какими орудиями бог пользовался? Какими рычагами? Какие применял машины? Кто были богу помощниками в столь великому сооружении?»¹⁸.

Таким образом, уже в I в. до н.э. в среде образованных римлян, привыкших к формально-логическим рассуждениям, приверженцев строгой экономии, о которой мы скажем позже, считалось немыслимым приписывать богу какие-либо атрибуты архитектора. Вместе с тем религиозные представления обладают значительной силой инерции. Как отметил Фюстель де Куланж, «если на изменение верований требуется много времени, то еще больше времени необходимо на изменение внешних проявлений и правил, продиктованных этими древними верованиями» [13, с.20]. Находясь в русле этих инерциальных закономерностей, древнеримские религиозные установления сохраняли свою силу на протяжении многих веков, несмотря на то что первоначальный смысл, заложенный в обряды, был утрачен. Так, например, шесть столетий спустя после Цицерона в Дигестах Юстиниана было воспроизведено изречение юриста Гая, согласно которому к святым вещам относятся стены и ворота города [14, с.143].

¹⁷ Цицерон. Философские трактаты. Перевод с латинского М.И. Рижского, ответственный редактор Г.Г. Майоров. Москва: «Наука», 1985. С. 190.

¹⁸ Цицерон. Указ. соч. С. 66.

Вместе с тем формализм римской религии не мог в полной мере отвечать потребностям людей в духовной жизни. На этом фоне неуклонно возрастал интерес к религиозным практикам других народов, доступ к которым значительно облегчался по мере упрочения культурных связей эллинистического мира, объединившего в себе разные берега Средиземноморья.

1.3. Эллинистический компонент римской культуры

Эллинистический мир возник с наступлением эпохи завоеваний Александра Македонского, распространившего влияние греческого мира вплоть до Индии. Греческая культура стала претендовать на универсальный, всеобщий характер. Античные греки, безусловно, были вовлечены в межнациональное и межгосударственное общение задолго до завоеваний Александра. Однако Александр придал этому общению мощный единовременный импульс, породивший многочисленные и длительные по времени последствия, распространившиеся на огромном пространстве. Новая культура нуждалась в появлении единого государства, под защитой которого находились бы территории, охваченные эллинистическим влиянием. Такое государство эллинизм мог обрести только в лице Рима.

Греческая культура приобрела для римской аристократии эталонное значение¹⁹. Однако, универсальность культуры, с одной стороны, означала ее упрощение (иначе невозможно добиться доступности для широкой аудитории), с другой – приводила к нарастанию синтетических тенденций. Развился религиозный синcretизм. На фоне огромного числа божеств культ каждого из богов в отдельности сохранял за собой все меньше последователей. Увеличивался религиозный хаос, сакральная сфера лишалась столь необходимого для нее ореола таинственности. Столь обширное число богов приводило к сомнениям в их существовании. Все божества, претендующие на универсальность, стали сводиться к солнцу. По наблюдению А.Ф. Лосева, «культ солнца чем дальше, тем больше растет в позднем эллинизме» [15, с.693]. В Риме стали распространяться египетские культуры. Солнечный культ в Египте означал признание за лучами Солнца откровения света, в котором луч становится творческим оружием божества [16, с.181]. Образами солнечных лучей служили обелиски, и не случайно, что Феодосий – последний император единой Римской империи, предпринявший значительные труды для утверждения Никейского Символа веры, основополагающего христианского текста, вывез из Египта обелиск фараона Тутмоса III и воздвиг его на константинопольском ипподроме (рис. 4). Культ Солнца вошел в структуру христианства как часть эллинистического наследия, сформировавшегося на обширном пространстве Средиземноморья, находившегося под контролем римских армий²⁰.

Отражением эллинистического культурного универсализма стало появление трактатов-энциклопедий. Наибольших успехов в деле компиляторства и каталогизации добилась Александрийская школа. Знаменитый труд архитектора Витрувия «Десять книг об архитектуре» является произведением, созданным в русле эллинистических традиций. Идеалом архитектора для Витрувия является энциклопедист – человек, разбирающийся во многих отраслях знания на неизбежно невысоком уровне. Однако появление такого рода

¹⁹ В письме брату Квинту Цицерон признается, что их достижения стали возможны «благодаря наукам и искусствам, которые переданы нам в памятниках и учениях Греции» (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том 1, годы 68-51 / перевод и комментарии В.О. Горенштейна. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 100, 440).

²⁰ По наблюдению Н.Л. Павлова, «представление об обелиске как о солнечном луче, уподобление его вершины самому солнцу, проходит, эволюционируя, через всю историю европейской архитектуры. Оно отражено в округлом завершении знаменитого обелиска в Аксуме, в шпилях готики, в золоченой маковке на шатре церкви Вознесения в Коломенском, в шпилях барокко и классицизма Петропавловского собора и Адмиралтейства, в изображениях обелисков, увенчанных солнцем, на воротах Сен-Дени в Париже, в лучистых солнцах на обелисках памятников и надгробий, в шпилях высотных зданий Москвы, в кремлевских звездах и солдатских обелисках» [16, с.136].

идеала было вызвано не столько академическими иллюзиями, сколько практическими потребностями, которые мы рассмотрим в следующей части статьи.

Рис. 4. Обелиск Феодосия. Современный вид

2. Технический аспект архитектурной деятельности в Древнем Риме

Как и в случае с Древней Грецией, лингвистический материал свидетельствует о происхождении римской архитектуры от деревянных форм:

- 1) *arcus* – арка (от праиталийского корня **arkuo-/*arkʷo-* – дуга, этимологически родственно русскому слову «ракита», обозначающему иву. Прутья ивы использовались для устройства сводчатых конструкций [2, с.52]);
- 2) *trabs* – балка (от праиталийского корня **trab-*, обозначающего деревянную балку, которому этимологически родственны корни **treb-* (строить, обитать), **trēb-* (дом); однокоренным словом является *taberna* – магазин [2, с.604, 626]);
- 3) *tribarakkif* – здание (образовано от двух корней - **treb-* и **ark-* [2, с.626], что дает основания полагать, что речь идет о здании, построенном из деревянных прутьев с использованием деревянных же балок).

В латинском языке впервые появляется слово *caementum*, обозначавшее мелкие камни, щебень. Это слово происходит от праиндоевропейского корня **keh₂id-/*kh₂eid-*, означавшего «рубить» [2, с.79]. Мелкие камни использовались в качестве наполнителя в производстве знаменитого римского бетона, который именовался *opus caementicium* (отсюда происходит современное слово «цемент»).

Вошедшее в состав русского языка слово «бетон» имеет французское происхождение. В свою очередь, слово *betun* появилось во французском языке в XII веке как модификация латинского слова *bitumen*²¹, которое у римлян обозначало смолу. Предположительно, *bitūmen* является заимствованием из кельтского языка. Согласно Плинию, смола добывалась из берез, произраставших в Галлии [2, с.73].

²¹ Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A9B0951> (дата обращения: 30.09.2025).

Латинские слова, обозначающие крепость, также связаны с деревянным строительством: *arcis* [2, с. 57] (от корня **ark*-, который, предположительно, связан с использованием ивовых прутьев), *castrum* (предположительно, от корня **kes* – отсекать [2, с.97]).

Слово *fabricāre*, происходящее от *faber* – мастер, ремесленник, обозначало «формировать», «строить», «изобретать» [2, с.197]. В Дигестах Юстиниана указывается, что плотниками (*fabros tignarios*) называют не только тех, кто обрабатывает бревна топором, но и всех, кто занимается строительством [17, с.516-517].

Как известно, римляне использовали кирпич как материал для внешней отделки, а также в качестве каркаса. В пространство между кирпичами помещали бетон. Слово *latus*, обозначавшее сторону, боковую часть, предположительно, этимологически связано с *later* (кирпич) [2, с.329, 330].

Стена из кирпича или камня обозначалась словом *māceria*, от праиталийского **mākero*- (пропитанный, замешанный) [2, с.357], что соответствует технологии, описанной Витрувием: кладку надо выводить из очень мелких камней, чтобы стены, пропитавшись как можно больше раствором из известки и песка, держались дольше [4, с.46].

Римские технологии имели в своем основании этрусские и греческие строительные традиции. Поскольку этруски пользовались греческим алфавитом, вероятно, до контактов с Грецией они не имели собственной письменности. Возможно, этрусские строительные технологии также в некоторой части имели греческое происхождение, поэтому у нас нет достаточных оснований для разграничения подлинно этрусских и подлинно греческих элементов в римских строительных приемах. Как отмечает Огюст Шуази, для того чтобы определить источники заимствования римских строительных приемов, следовало бы «вступить на путь догадок и восстановить историю строительного искусства в связи с историей политических связей Рима с внешним миром» [18, с.136]. До настоящего времени такого рода исследования не проводились, поскольку одним из многочисленных затруднений служит то обстоятельство, что письменность этрусков до сих пор в значительной мере не расшифрована.

Профессия архитектора в Риме была по большей части иностранной. Витрувий, хотя и называет в своем трактате двух римских архитекторов – Коссutiya и Гая Муция [4, с.131], – имен упоминаемых им архитекторов-греков несоизмеримо больше.

Трактат Витрувия примечателен своим посвящением Цезарю Октавиану Августу, которое представляет собой своего рода апологию всего произведения. Посвящение, помимо изложения цели написания трактата – повышения уровня эрудиции в вопросах архитектуры основного заказчика общественных зданий, Октавиана, – содержит сведения о знакомстве Витрувия с «родителем» Октавиана, т.е. его приемным отцом Гаем Юлием Цезарем, а также о внимании к нему сестры Октавиана – Октавии Младшей. Необходимо отметить, что далеко не все архитекторы в Риме пользовались столь большим почетом. Так, Плутарх в жизнеописании Марка Красса пишет о том, что тот «стал приобретать рабов-архитекторов и строителей»²².

В своих требованиях к знаниям, которыми должен обладать архитектор, Витрувий следует не только энциклопедизму эллинистической Александрийской школы, но и отражает, по всей видимости, тот функционал, которым должен был владеть архитектор на строительной площадке:

1) «грамотность необходима архитектору, чтобы поддерживать свою память записями» [4, с.16] – на архитектора возлагались обязанности по составлению сметы и ее исполнению, что невозможно без ведения записей;

²² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Том II. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 237 (перевод В.В. Петуховой).

- 2) «уметь рисовать он должен для того, чтобы быть в состоянии изобразить без труда при помощи рисунков задуманное им произведение» [4, с.17] – задачей архитектора было формирование проектных решений для всего здания;
- 3) «геометрия <...> учит употреблению циркуля и линейки, что чрезвычайно облегчает составление планов зданий и правильное применение наугоильников, уровней и отвесов» [4, с.17] – на архитектора был возложен строительный контроль на объекте – от разметки на плане с вынесением на местность до дальнейшего контроля качества всех выполняемых на площадке работ;
- 4) «при помощи оптики в здание правильно пропускается свет с определенных сторон неба» [4, с.17] – архитектор отвечал за освещение и ориентацию здания по сторонам света;
- 5) «посредством арифметики составляют смету постройки, вычисляют ее размеры и путем применения геометрических законов и выкладок разрешают сложные вопросы соразмерности» [4, с.17] – архитектор выступал не только автором, определяющим качество проектных решений (соразмерность), но и отвечал за финансовые вопросы строительства (составление сметы);
- 6) «знакомство с историей необходимо потому, что архитекторы часто намечают в своих произведениях многочисленные украшения, в значении которых они должны уметь дать отчет тем, кто этого потребует» [4, с.17] – архитектор должен был владеть «историей архитектуры»²³ и умением обосновать перед заказчиком строительства общественных зданий то или иное заимствование из сложившейся традиции. Поскольку речь идет о множественном числе «тех, кто потребует», имеются в виду римские магистраты, сенат или комиции;
- 7) «философия объясняет природу вещей <...>, которую архитектору необходимо очень тщательно изучить, так как он имеет дело со многими и различными физическими вопросами, возникающими, например, при проведении воды» [4, с.18] – архитектор должен был знать техническую сторону проведения строительных работ (в этой же области находятся требования к знаниям в области акустики, которые Витрувий относит к теории музыки);
- 8) «что касается медицинской науки, то ее надо знать для определения <...> воздуха, здоровых или зараженных местностей и пригодности той или другой воды, ибо без определения этих условий нельзя основать никакого здорового поселения» [4, с.19] – данное утверждение свидетельствует о том, что Витрувий относил вопросы основания поселений, т.е. градостроительства, к сфере архитектуры;
- 9) «архитектор должен быть также знаком и с теми отделами права, которые необходимы при постройке зданий, с общими стенами в отношении размещения водостоков, сточных канав и окон, а также водопроводов и тому подобного. Все это должно быть известно архитекторам, чтобы, прежде чем приступить к сооружениям зданий, они приняли меры против возникновения спорных дел и не оставляли их домохозяевам по завершении постройки и чтобы, при составлении договора, могли быть предусмотрены интересы как нанимателя, так и подрядчика» [4, с.19] – данный текст свидетельствует о задачах архитектора в качестве подрядчика, исполнителя работ, который сдает впоследствии их результат заказчику – домохозяину;
- 10) «с помощью же астрономии определяют восток, запад, юг и север, а также приобретают понятие о небе, равноденствии, солнцестоянии и движении звезд» [4, с.19]. Эти знания, как мы видим далее из текста Витрувия, требуются архитектору-градостроителю для правильной разметки улиц города и ориентации зданий по сторонам света.

Итак, обширный функционал архитектора отражал размах строительных работ, производимых в Древнем Риме. О самостоятельности архитектора как руководителя проекта свидетельствует, в частности, следующий текст из Витрувия, где он говорит о том, что архитектор Гермоген, «имея достаточное количество мрамора, заготовленного для сооружения дорийского храма, переменил свое намерение и построил Отцу Либеру из того

²³ Оборот «история архитектуры» взят нами в кавычки, поскольку рассказ о картинах, приведенный Витрувием в качестве иллюстрации своей мысли об исторической подготовке архитектора, недостоверен, как и многие другие его отступления на исторические темы.

же материала храм ионийский» [4, с.78]. Вместе с тем, в отличие от Древней Греции, подряды на строительство сдавались должностными лицами Рима – консулами, цензорами, дуумвирами – без участия архитектора в этих процедурах. В «Дигестах Юстиниана» приводится правило, согласно которому «не разрешается надписывать государственные сооружения иным именем кроме принципса или того, на чьи деньги это сооружение было построено» [17, с.425]. При его соблюдении возникали курьезы: так, Константин Великий называл императора Траяна «стенным лишаем» из-за множества надписей, увековечивавших его память [19, с.267]. Тем не менее, ни одна из известных нам римских построек не носит имя архитектора – все они названы согласно приведенному правилу: театр Помпея, форум Августа, амфитеатр Флавиев, колонна Траяна, арка Септимия Севера, базилика Максенция-Константина и т.д.

Объекты, не имевшие эстетической функции, возводились без участия архитектора. Одно из самых известных заданий на строительство такого рода объектов – надпись на мраморной доске, изготовленная в 105 г. до н.э. в римской колонии Путеолы (современный итальянский город Поццуоли). Надпись представляла собой официальный документ – задание на производство работ по строительству участка стены с воротами напротив храма Сераписа в Путеолях, и известна в науке как *Lex Parieti Faciundo Puteolana* (рис. 5).

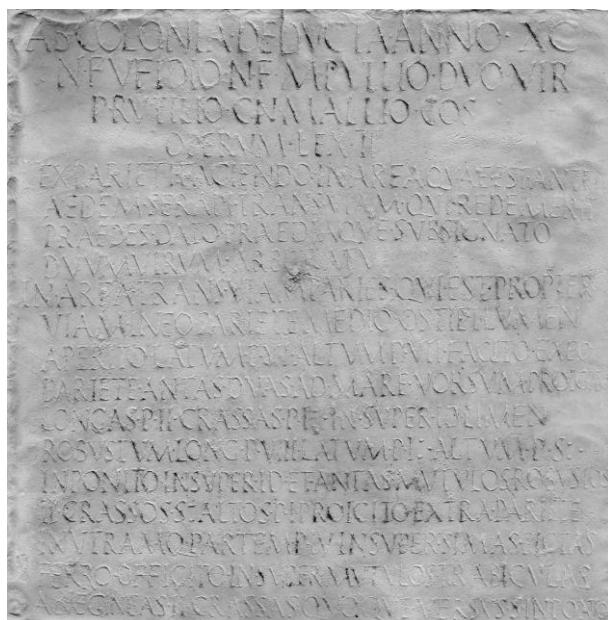

Рис. 5. Фрагмент текста задания на производство строительных работ (*Lex Parieti Faciundo Puteolana*). Мраморная табличка, 105 г. до н.э.

Слово *lex* не должно вводить в заблуждение – это не закон, а задание (как отмечает Михил де Ваан, глагол *lēgāre* и его производные включают в себя значения «задача, задание» [2, с.337]). А.А. Сапожникова и В.Н. Калиш (переводчики трактата Шуази «Строительное искусство древних римлян») переводят слово *lex* как «урок» [18, с.110]. Данный документ, по всей видимости, служил отличным образцом для составления новых заданий на производство строительных работ, о чем свидетельствует то обстоятельство, что надпись была реконструирована в I в. н.э. [20, с.180]. Приведем ее основное содержание.

Надпись начинается с преамбулы, в которой указан год от основания колонии, имена дуумвиров (высших должностных лиц колонии Путеолы) и консулов – высших должностных лиц Римской республики.

Далее следует предмет задания – участок стены напротив храма Сераписа, и условия его выполнения подрядчиком – предоставление поручительства и передача имущества в залог под наблюдение дуумвиров.

После чего приводится собственно задание на выполнение работ с указанием:

- 1) места постройки – существующая стена напротив храма Сераписа;
- 2) подробное поочередное описание элементов ворот в стене – антов, дубовой перемычки между антами, консольных дубовых балок над антами, еловых балочек, расположенных над проемом ворот и размещенных на консольных дубовых балках, стропил, черепицы, решетчатых дверей;
- 3) требований к реконструкции оставшихся участков стены – надстройка, достройка дополнительных участков, заделывание существующего входа;
- 4) требований к каменной кладке – для ее возведения было необходимо употребить бутовый камень, тесаный камень, пущолановую глину и гашеную известь.

Строительный контроль над работами в данном случае возлагался на дуумвиров, приемка работ – на дуумвиров и членов городского совета Путеол. Указывался срок работ – ближайшие ноябрьские календы. Работы оплачивались в следующем порядке: половина суммы выплачивалась после предоставления необходимого залога, окончательный расчет – по завершении строительства, на основании распоряжения дуумвиров.

Завершается указанием имен поручителей и суммы поручительства (1500 сестерциев).

Представляется, что внимание к столь простому сооружению (визуализация выполнена Пиранези и воспроизведена как иллюстрация в трактате Шуази – рис. 6), отразившееся в составлении образцового задания, было отчасти обусловлено тем, что строительство планировалось производить вблизи храма.

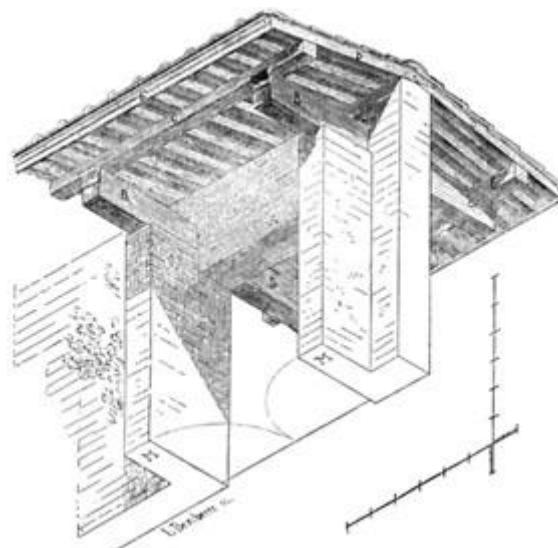

Рис. 6. Визуализация сооружения, которое должно было быть выполнено согласно *Lex Parieti Faciendo Puteolana*

Возможно, именно отсутствие архитектора вынуждало римских должностных лиц максимально точно описывать предмет выполняемых работ. Поскольку должностные лица Рима обыкновенно наделялись как гражданскими, так и военными полномочиями, их компетенции в качестве военных руководителей должны были включать в себя основы инженерного искусства, связанного со строительством объектов, для которых использовалась римская армия (т.е. неквалифицированная рабочая сила) – дорог, акведуков, военных лагерей, оград и т.д. Широкое применение римлянами бетона, как отмечает Шуази, было связано с дефицитом квалифицированных каменщиков и большим числом неквалифицированной рабочей силы, которую составляли рабы, местное население, привлеченное к трудовой повинности, и римское войско [18, с. 16]. Вместе с тем, наиболее сложные военные сооружения возводились уже при помощи архитекторов – так, Витрувий занимался «изготовлением и починкою баллист, скорпионов и других военных

орудий» [4, с.15] и изложил знания об устройстве некоторых видов военных машин в книге X своего трактата. Архитектор Аполлодор из Дамаска сопровождал Траяна в его военных походах, построив знаменитый мост через Дунай.

Отсутствие архитектора при производстве работ, описанных в *Lex Parieti Faciendo Puteolana*, объясняется их сравнительной простотой. Сложные сооружения уже требовали энциклопедических знаний руководителя проекта, о которых писал Витрувий. Привлекать специалиста столь высокого уровня к простым работам не соответствовало бы строгим принципам экономии, которых придерживались римляне. В качестве первого принципа такой экономии можно указать разделение построек на те, что служат величию римского народа (в них проявлялось стремление римлян к грандиозному), и обыкновенных зданий и сооружений, предназначенных для сугубо утилитарных целей (эти постройки должны были возводиться без излишеств). Второй принцип – максимальная оптимизация строительного процесса при соблюдении условия, что постройка будет служить долгие годы по своему прямому назначению.

Так римляне, опираясь на свои выдающиеся административные способности, сумели придать строительству массовый характер, добившись его универсализации и адаптации к местным материалам и погодным условиям в разных уголках обширной империи.

Заключение

Сакральный аспект архитектурной деятельности проявлялся в Древнем Риме довольно тускло, что было связано не только с низким социальным статусом архитектора, но и с отрицанием римлянами статуса зодчих-демиургов у богов. Римские боги почтались не в качестве творцов мира, как мы это видели на примерах Древнего Египта, Двуречья и Древней Греции [5, 21], а как его управлятели. Почтание богов-управлятелей отразилось на тенденции к обожествлению управителей-императоров. На уровне семьи и общины римская религиозность сохранила много архаичных традиций: кульп очага, стен, дверей, дорог. Сакрализация сохранилась именно в отношении этих древнейших, базовых смысловых и материальных воплощений любого архитектурного построения.

Римляне обобщили и активно использовали строительные технологии, существовавшие в разных уголках империи. Наибольший вклад в римскую строительную науку внесли греки; однако масштабное применение бетона – достижение самих римлян. В Древнем Риме архитектор привлекался для выполнения квалифицированной работы в качестве руководителя проекта, при этом круг его полномочий был, по сравнению с древнегреческим полисом, значительно ограничен. Наиболее существенное ограничение состояло в том, что римский архитектор не принимал участия в заключении договоров подряда – это полномочие полностью принадлежало магистратам (должностным лицам разного иерархического уровня, начальствующим над строительством в зависимости от его масштаба). Архитектор был скорее техническим, чем полноправным руководителем строительных проектов. К созданию сооружений, имеющих строго утилитарные задачи (стены, ворота, акведуки, дороги), архитектора могли и вовсе не привлекать. По своему социальному положению архитектор мог находиться на самой низкой ступени – в рабстве. Архитекторов из числа римских граждан было очень мало. Римские архитекторы по большей части были выходцами из Греции, и потому пользовались правом перегринов (иностраниц); статус полноправного римского гражданина был для них, как правило, недоступен. В этом контексте социальный престиж архитектурной профессии оставался стабильно невысоким на протяжении всей истории Древнего Рима.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL: <https://www.arthistoryproject.com/timeline/the-ancient-world/etruscan-art/liver-of-piacenza/> (дата обращения: 30.09.2025).

Рис. 2. URL:

<https://media.coinarchives.com/e5110b3296519cfe85981414a15c35b1/img/cng/129/image00494.jpg> (дата обращения: 30.09.2025).

Рис. 3. Макет Сен-Жерменского музея. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Перевод и комментарии академика М.М. Покровского. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 80.

Рис. 4. URL: <https://www.thebyzantinelegacy.com/theodosius-obelisk> (дата обращения: 30.09.2025).

Рис. 5. URL: <https://kb.osu.edu/items/3f64e1e3-5030-42cb-b520-33f7ca1a29cd> (дата обращения: 30.09.2025).

Рис. 6. Шуази Огюст. Строительное искусство древних римлян. Перевод с французского А.А. Сапожниковой и В.Н. Калиш. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1938. С. 111.

Список источников

1. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. Москва: «Наука», 1991. 190 с.
2. Michiel de Vaan. Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages // Leiden Indo-European etymological dictionary series. Ed. by Alexander Lubotsky; v. 7. Leiden-Boston: Brill, 2008. 825 p.
3. Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1962. 299 с.
4. Витрувий. Десять книг об архитектуре / перевод Ф.А. Петровского. Репринтное издание. Москва: «Архитектура-С», 2006. 328 с.
5. Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть II. Древняя Греция / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №3(72). С. 11-24. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/3kvert25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-3-11-24 EDN: AGPZXY
6. Штаерман Е.М. Веста // Мифы народов мира. Энциклопедия. (в 2 томах). Том 1 / под ред. С.А. Токарева. Москва: Советская Энциклопедия, 1987. С. 234.
7. Институции Гая: текст, перевод с латинского, комментарии / под общей редакцией Д.В. Дождева. Москва: «Статут», 2020. 384 с.
8. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского. Ответственный редактор Л.Л. Кофанов. Т. II. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2008. 622 с.
9. Vitruvii De architectura libri decem / edidit F. Krohn. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1912. 291 p.
10. Тахо-Годи А. А. Геката // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах. Том 1 / под ред. С.А. Токарева. Москва: «Советская Энциклопедия», 1987. С. 269.
11. Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 240 с.

12. Varro on the Latin language with an English translation by Roland G. Kent, v. I, books V-VII. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1967. 367 p.
13. Куланж Фюстель де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / перевод с английского Л.А. Игоревского. Москва: «Центрполиграф», 2010. 414 с.
14. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского. Ответственный редактор Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. Москва: «Статут», 2008. 584 с.
15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Москва: Издательство «ACT», 2000. 960 с.
16. Павлов Н.Л. Храм Ипет-Сут и пространственное мышление зодчих Древнего Египта: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры: 18.00.01. Москва, 1982. 210 с.
17. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. Москва: «Статут», 2005. 564 с.
18. Шуази Огюст. Строительное искусство древних римлян / перевод с французского А.А. Сапожниковой и В.Н. Калиш. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1938. 168 с.
19. Буркхард Якоб. Век Константина Великого / перевод с английского Л.А. Игоревского. Москва: «Центрполиграф», 2003. 367 с.
20. Юдин А.В. Lex operum Puteolana как источник по истории развития римского права в колонии римских граждан эпохи Поздней Республики // В поисках древности. Выпуск 2. Составители: С. В. Литвиненко, А. Б. Давыдова. Москва: Прометей, 2006. С. 176-185.
21. Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть I. Древний Египет и Двуречье / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 32-45. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-32-45 EDN: HFXSOV

References

1. Romanov V.N. *Istoricheskoye razvitiye kultury. Problemy typologii* [Culture in historical development. Problems of typology]. Moscow, 1991, 190 p.
2. Michiel de Vaan. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden Indo-European etymological dictionary series. Ed. by Alexander Lubotsky; v. 7. Leiden-Boston: Brill, 2008, 825 p.
3. Nemirovskiy A.I. *Istoriya rannego Rima i Italii. Vozniknoveniye klassovogo obschestva i gosudarstva* [History of early Rome and Italy. The origins of class-divided society and state]. Voronezh, 1962, 299 p.
4. Vitruvius. *De architectura libri decem*. Translated from Latin, Moscow, 2006, 328 p.
5. Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part II: Ancient Greece. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 3(72), pp. 11-24. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/3kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-3-11-24 EDN: AGPZXY

6. Shtaerman E.M. *Vesta. Mify narodov mira. Entziklopedia* [Myths of the nations. Encyclopaedia. Volume 1]. Moscow, 1987, p. 234.
7. *Gai Institutionum commentarii quattuor*. Translated from Latin. Moscow, 2020, 384 p.
8. *Digesta Iustiniani. Libri V-XI*. Translated from Latin. Moscow, 2008, 622 p.
9. *Vitruvii De architectura libri decem*. Edidit F. Krohn. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1912, 291 p.
10. Takho-Godi A.A. *Gekata. Mify narodov mira. Entziklopedia* [Hecate. Myths of the nations. Encyclopaedia. Volume 1]. Moscow, 1987, p. 269.
11. Elizarenkova T.Ya. *Slova i veschi v Rigvede* [Words and things in the Rigveda]. Moscow, 1999, 240 p.
12. Varro on the Latin language with an English translation by Roland G. Kent, v. I, books V-VII. Cambridge. Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1967, 367 p.
13. Coulanges F. de. *The Ancient City: A Classic Study of the Religious and Civil Institutions of Ancient Greece and Rome*. Translated from English. Moscow, 2010, 414 p.
14. *Digesta Iustiniani. Libri I-IV*. Translated from Latin, Moscow, 2008, 584 p.
15. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Pozdniy ellinizm* [The History of Classical Aesthetics. The late Hellenism]. Moscow, 2000, 960 p.
16. Pavlov N.L. *Khram Ipet-Sut i prostranstvennoye myshlenie zodchikh Drevnego Egipta* [Temple Ipet-Sut and spatial thinking of the architects of ancient Egypt. Thesis for PhD in Architecture]. Moscow, 1982, 210 p.
17. *Digesta Iustiniani. Libri XLVIII-L*. Translated from Latin, Moscow, 2005, 564 p.
18. Choisy A. *L'art de bâtir chez les Romains*. Traduction du français. Moscou, 1938, 168 p.
19. Burckhardt J. *The Age of the Constantine the Great*. Translated from English. Moscow, 2003, 367 p.
20. Yudin A.V. *Lex operum Puteolana kak istoricheskii sourse na razvitiye rimskogo prava v kolonii rimskikh grazhdan epokhi Pozdney Respubliki* [Lex operum Puteolana as a source on the history of the evolving of Roman law in the colony of Roman citizens during the Late Republic. In search of Antiquity. Issue 2]. Moscow, 2006, pp. 176-185.
21. Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part I: Ancient Egypt and Mesopotamia. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 32-45. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-32-45 EDN: HFXSOV

ОБ АВТОРАХ

Веденёв Михаил Юрьевич

Магистр юриспруденции, магистр строительства, старший преподаватель кафедры «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

m.vedenev@markhi.ru

Павлов Николай Леонидович

Доктор архитектуры, профессор, кафедра «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; советник РААСН; действительный член Русского географического общества
pavlovn@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vedenev Mikhail Yu.

Master of Jurisprudence, Master of Construction, Senior Lecturer of the Department «Architectural Practice», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
m.vedenev@markhi.ru

Pavlov Nikolay L.

Doctor of Architecture, Professor, Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Advisor to RAASN; Full Member of the Russian Geographical Society
pavlovn@mail.ru